

Военные
Приключения

ГОЛУБОЙ ПАКЕТ

ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ

Военные приключения

Георгий Брянцев

Голубой пакет

«ВЕЧЕ»

1955

Брянцев Г. М.

Голубой пакет / Г. М. Брянцев — «ВЕЧЕ», 1955 — (Военные приключения)

1942 год. Полесье. Оккупационный режим день ото дня становится все жестче. В ответ растет недовольство населения, и партизанское движение тоже набирает силу. Подпольщикам небольшого райцентра удастся перехватить армейского курьера с документами, в которых содержатся сверхсекретные планы фашистского командования. Но как переправить их через далекую линию фронта, если гестапо, озабоченное действиями партизан, уже начало хитроумную и коварную операцию?..

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	15
6	18
7	19
8	24
9	26
10	31
11	32
12	35
13	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георгий Брянцев

Голубой пакет

©Брянцев Г.М., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Стеклянная дверь и оба окна в парикмахерской были распахнуты настежь, и все-таки в небольшом квадратном зале стояла духота, воздух был насыщен густым сладковатым запахом мыла, пудры и одеколона.

Кроме пяти клиентов и пяти потных мастеров, усердно их обрабатывавших, здесь томилось еще несколько человек, ожидавших своей очереди. В большинстве это были местные жители. Ждали они давно: оккупанты – офицеры и солдаты гитлеровской армии – обслуживались вне очереди. Об этом предупреждало объявление при входе.

По стенам были расклеены и другие засиженные мухами объявления на немецком и русском языках. В каждом из них выделялось набранное крупным шрифтом слово «Ферботен!» («Запрещено!»). Это были многочисленные приказы коменданта, полиции и городской управы.

Среди мастеров обращал на себя внимание проворством рук, этакой особой лихостью и чистотой работы сравнительно молодой человек, припадавший на левую ногу, с копной рыжих волос на голове и серыми плутоватыми глазами. Все старались попасть к нему. Он брил и стриг вдвое быстрее и значительно лучше, нежели его собраты.

Это был известный в Горелове парикмахер Степан Заболотный. Жизнь Заболотного началась и проходила в этом небольшом старинном городе. Ранняя смерть отца и болезнь матери привели к тому, что еще пятнадцатилетним мальчишкой он поступил учеником в парикмахерскую.

Правда, раньше Степан мечтал быть геологом. Его влекли широкие просторы, тайга, горы, нехоженные тропы. Ему хотелось пожить под открытым небом. Он бредил экспедициями, открытиями. Степан всей душой любил природу, рвался к ней, но мечты пришлось отложить до лучших дней.

А пока – добросовестный и старательный – он стал искусным мастером своего дела, и это быстро оценили в городе. Его одолевали артисты местного драматического театра, его пытался переманить к себе директор областного дома отдыха для руководящих работников.

Возможно, что Степан и сменил бы свою профессию на студенческую аудиторию, но война с белофиннами помешала этому: комсомолец Заболотный вернулся из госпиталя домой с изуродованной и укороченной левой ногой.

А вскоре по шоссейным дорогам и пыльным большакам родной земли поползли на восток гитлеровские полчища. Тихий Горелов был оглушен грохотом артиллерийской канонады, гулом бомбовых ударов, окружен зловещими огненными сполохами горящих деревень. Гитлеровцы оккупировали городок.

И вот сейчас Степан добросовестно трудился над скудной шевелюрой гитлеровского интенданта, своего постоянного клиента.

Ожидающие со скучными лицами сидели за круглыми столиками, вяло перебирая немецкие газеты и ярко расцвеченные иллюстрированные журналы.

Степан, незаметно взглянув на часы, принялся массировать солидную плешину интенданта. Он бережно расчесал его жидкие, бесцветные пряди, уложил их слева направо и, отойдя в сторону, полюбовался содеянным.

– Гут, – сказал интендант, разглядывая себя в зеркало, и добавил: – Зер гут...

– Пжалста, – заученно ответил Степан и ловким движением снял с клиента простыню.

Интендант встал, застегнул ворот мундира, достал из бумажника новенькую, хрустящую бумажку и положил ее в приоткрытый ящик.

– Ауфвидерзеен, – попрощался он.

– Счастливо, – поклонился Степан.

На свободное место хотел было усесться переводчик городской управы, но Заболотный развел руками:

– Не могу... Прошу прощения... Обед...

Он снял халат, сложил инструменты и, сказав что-то на ухо своему коллеге, покинул мастерскую.

2

Жаркий июньский день стоял над Гореловом. Неторопливой прихрамывающей походкой Степан шагал по тротуару, обходя выбоины и зеленые пятна лебеды, проросшей между плитами. В руках он нес закопченный, выдавший виды примус.

На Степане была коричневая сатиновая косоворотка и темно-синие брюки из грубой шерсти. Давно не выдавшие утюга, они пузырились на коленях.

Хромота придавала облику Степана некоторую солидность и степенность.

Он раскланивался со своими знакомыми, преимущественно с клиентами, насвистывал себе что-то под нос и, не торопясь, шагал.

А как ему хотелось мчаться сейчас очертя голову!

Калининская улица, изуродованная боями сорок первого года, с развороченной булыжной мостовой, полуразрушенными и сожженными домами, вывела его на главную в городе площадь. Теперь здесь размещались учреждения оккупантов: гестапо, военная комендатура, полиция, городская управа.

Перейдя пыльную, исполосованную глубокими колеями и местами поросшую бурьяном площадь, Заболотный вышел на Почтовую улицу и, миновав квартал, свернул на Базарную.

У длинного красно-кирпичного дома Степан остановился. Между тусклыми, замазанными известкой окнами висела вывеска, изготовленная из листа кровельного железа и оправленная в деревянную рамку:

ГОРОДСКАЯ БАНЯ

Открыта с 8 утра до 6 вечера

(Разрешение Горуправы № 869/3

от 16. X. 1941 г.)

Под вывеской была раскрыта низкая, почерневшая дверь, ведущая в подвальное помещение дома. Заболотный пригнул голову и шагнул через порог.

Он отлично знал, что вниз ведут одиннадцать крутых, стертых от времени каменных ступенек. Но Степан торопился. Он достиг седьмой, а через остальные перемахнул и едва устоял на ногах.

– Ты что? С ума спятил? – раздался низкий хрипловатый голос истопника, стоявшего у верстака.

Пожилой, грузный, в безрукавке и испачканном переднике, он держал в руке молоток, с помощью которого прилаживал к старому оцинкованному ведру новую дужку. Крупную голову его венчала копна густых, черных, но уже сильно тронутых сединой волос. Изжелта-седые усы свисали на губы. Резкие морщины бороздили хмурое лицо и крутой лоб. Это был истопник бани и руководитель городского подполья Чернопятков.

Заболотный возбужденно провел рукой по своей рыжей шевелюре, оглядел беглым взглядом котельную и шагнул к истопнику вплотную. Держа в одной руке примус, он другой горячо сжал плечо Чернопятава.

– Григорий Афанасьевич! Чепе! Только радостное! Нужно немедленно действовать! – выпалил он, не переводя дыхания.

Истопник нахмурился.

– Тише ты! Можешь говорить спокойно? Сколько я тебя учил. – Он склонил голову и на всякий случай поглядел в дверной проем. – Какое там чепе?

Степан бросил примус на верстак и сказал уже более спокойно:

– Завтра утром через город пройдет машина из ставки Гитлера... – и он пытливо посмотрел, какое впечатление произведет на Чернопятава сказанное.

Чернопятав недоверчиво приподнял брови и продолжал сгибать до нужного положения железную дужку ведра.

– Дальше... – только и сказал он.

– На машине едет специальный курьер или нарочный, бес его знает, с почтой для командующего танковой армией фронта, – продолжал Степан.

Чернопятав повернул голову, внимательно взглянул на Заболотного и спросил:

– Откуда ты такого нахватался?

– Ко мне только что заходил Скиталец.

Чернопятав поставил ведро на верстак и вытер руки о передник.

– Скиталец? – переспросил он, скрывая за вопросом возникшее беспокойство.

– Да! – горячо подтвердил Степан. – С ним на квартире живет унтер-офицер из комендатуры.

Чернопятав кивнул. Да, это было известно.

– Так вот, – продолжал Заболотный, – вчера, поздно вечером, унтер рассказал ему, что машину приказано встретить и обеспечить охраной на дальнейший путь. Выпили они с унтером, и тот расхвастался, что назначен в охрану курьера. Под пьяную лавочку выболтал, каким маршрутом пойдет машина, где назначены остановки, где будут заправляться. Все...

– Да... интересно! – задумчиво проговорил Чернопятав, и угрюмость его будто рукой сняло. – Если действительно все верно, то случай редкий...

– Уж куда интересней! – обрадовался Заболотный.

– Так, так... – вымолвил Чернопятав, разглаживая усы. – На машинах почти из ставки возят... Значит, осмелели господа нацисты. Пронюхали, видно, что партизаны наши ушли в дальний рейд. Очень хорошо... А что еще сказал Скиталец?

– В пять часов, после дежурства, он придет в баню. В штатском. И будет вас ждать.

– Ага... Ладно.

– Ну, я побегу, – сказал Заболотный. – Клиентов много.

Чернопятав посмотрел на него исподлюбья, помолчал немного и затем проговорил:

– Больно шустрый ты! Смотри, поаккуратней... Как стемнеет, загляни на всякий случай к Митрофану Федоровичу.

– Есть! – ответил Степан и в два прыжка выскочил по щербатым ступенькам вверх.

Чернопятав проводил его взглядом, перевел глаза на верстак и, увидя забытый Заболотным примус, усмехнулся:

– Тоже мне конспиратор...

Он постоял немного, а потом в раздумье зашагал взад и вперед по большим каменным плитам котельной.

Котельная помещалась в длинном, закопченном подвале с сырыми, в подтеках, стенами. Дневной свет проникал сюда через открытые двери и небольшое окошечко над верстаком. Под

сводчатым бетонным потолком висела запыленная электрическая лампочка. Она давно уже не горела: энергии только-только хватало самим оккупантам.

Правую сторону подвала занимали два горизонтальных котла, половину стены, слева от входа, – деревянный верстак с закрепленными на нем параллельными тисками, заставленный железными и эмалированными ведрами, тазами, кастрюлями, жаровнями, примусами и керосинками.

Баня работала два раза в неделю, и истопнику разрешали подрабатывать в свободное время на ремонте домашней утвари.

В самой глубине подвала вдоль узкой стены стоял топчан, покрытый грубошерстным одеялом, а над ним висело что-то ободранное и облезлое, ранее именовавшееся ковром.

Чернопяттов расхаживал, погрузившись в свои мысли. В котлах глухо бурлила вода. Сегодня баня работала.

Потом, видимо, придя к какому-то решению, Чернопяттов шумно выдохнул воздух, подошел к крайнему котлу и привычным движением ловко откинул голой рукой накаленную дверку.

В лицо ему полыхнул жар.

Окинув взглядом топку, подернутую фиолетовыми язычками пламени, Чернопяттов взял совковую лопату и, черпая ею уголь, наваленный тут же между котлами, сделал несколько бросков.

Захлопнув дверку, он снова устоял на верстак и, покачав головой, обронил:

– Гляди-ка! Даже примус забыл!

3

Шоссейная дорога, покрытая мелкой желтой щебенкой, узкой полосой убегала в лес. Вплотную к ней высокой стеной подступали деревья. Местами они отбегали в сторону, и тогда слева и справа от дороги расстился веселый зеленый ковер, прошитый нежными, неяркими полевыми цветами.

Стояло теплое раннее утро, омытое прохладной росой, освещенное ласковым июньским солнцем.

По лесной дороге быстро бежала штабная легковая машина.

Солдаты охраны сидели в напряженных позах, держа в руках автоматы. Худосочный лейтенант, начальник охраны, сидя рядом с водителем, поглядывал по сторонам. Он чувствовал себя не очень хорошо. Он не любил поездок по загадочно молчаливым лесным дорогам. Правда, в штабе говорили на днях, что партизан здесь уже нет. Их или выкурили отсюда, или сами они куда-то ушли. Майор Шмалыц даже на охоту рискнул два раза выехать. Но кто знает... Россия такая страна, а русские такой народ...

Всю дорогу лейтенант молчал, боясь пропустить малейший звук.

Курьер спал, привалившись к спинке сиденья, надвинув фуражку с огромным козырьком на глаза, и его выпяченные вперед губы издавали тихий свист. Он спал, не чувствуя, как подбрасывает машину на неровностях дороги.

Водитель сосредоточенно вглядывался в дорогу. Это был его первый рейс в здешнем районе, и местность была ему незнакома. Раньше он водил машину, обслуживавшую «зондеркоманду», в районе Минска. Заметив вдали какие-то серые строения, он спросил лейтенанта:

– Горелов?

– Рано, – ответил тот и поднес к глазам цейсовский девятикратный бинокль.

Машина спустилась в ложбину, и домишки скрылись.

Лейтенант раскрыл лежавшую на коленях планшетку и всмотрелся в карту, заложенную под целлулоид.

– Деревня Лопухово, – проговорил он. – До Горелова тридцать два километра...

Водитель поерзал на месте и, выражая нетерпение, сказал:

– Воды надо бы долить в радиатор, а то закипит.

– В Лопухове есть колодец, – ответил лейтенант, и этот ответ прозвучал как разрешение сделать остановку.

Машина выскочила на взгорок, и деревня открылась как на ладони. Ее рубленые почерневшие от времени и замшелые избы с взлохмаченными камышовыми крышами были рассыпаны по обе стороны дороги. Многие печально и грустно глядели темными, пустыми проемами окон и дверей. Кое-где они были заколочены досками.

Колодец стоял посреди деревеньки, с левой стороны по ходу машины, около столетней вербы с длинными, струйчатыми ветвями.

Машина сошла на обочину, легко перевалила через отлогий кювет и остановилась у самого колодца.

Лейтенант первым выскочил из машины и объявил:

– Сорок минут на заправку машины и завтрак.

Столичный курьер проснулся. Приняв вертикальное положение, он некоторое время недоуменно осматривался, пытаясь понять, как сюда попал, а потом зевнул, потянулся и полез в карман за сигаретами.

Пока водитель наливал в бак бензин из последней канистры, лейтенант приседал и неуклюжими движениями разминал затекшие от долгого сидения журавлиные ноги.

Солдаты, раздевшись до пояса, шумно резвились возле колодца. Один из них, держа в руках ведро, выплескивал на остальных воду, а те, дико гогоча, прятались друг за друга. Приняв «душ», они разостлали под вербой брезент, выложили консервы, хлеб, сахар, поставили громадный термос с кофе и, громко переговариваясь, приступили к завтраку.

К их компании присоединились курьер и водитель. Первый внес в общий котел банку ананасов и коробку сардин, а второй – темный кусок жирной отварной свинины.

И никто из них не заметил, как босоногий подросток вывел из крайней избы старенький дамский велосипед, уселся на него и, энергично заработав ногами, скрылся в лесу.

Лейтенант занимался своим делом. Сняв мундир и став в таком виде еще худее, он вымылся у колодца, затем извлек из машины офицерский плащ, небольшой черный с желтой окантовкой чемоданчик и направился к вербе.

Расположившись чуть поодаль от компании, он достал из чемоданчика два яйца, баночку со сливочным маслом, кусок голландского сыра, хлеб, кружок колбасы домашнего приготовления и плоскую флягу, обернутую сукном.

Белые, покрытые веснушками руки лейтенанта заработали. Он аккуратно отрезал четыре ровных тоненьких ломтика хлеба, помазал их сливочным маслом и прикрыл пластинками сыра.

Потом не спеша снял скорлупу с яиц, разрезал их пополам, посолил и положил рядом с бутербродами. Колбасу он предварительно понюхал, а затем уже отрезал от нее несколько кусочков. Все, что было не нужно, он упрятал в чемоданчик, потом отхлебнул из фляги и приступил к еде. Ел он неторопливо, тщательно пережевывая, отгоняя рукой налетавших мух.

Солдаты, быстро набив желудки, занялись анекдотами. Над тихой деревней покати́лся громкий смех.

– Кто хочет посмотреть многодетную мать? – крикнул курьер, показывая рукой на дорогу.

Все повернули головы. Деревенскую улицу переходила небольшая гладкошерстная сука со страшно выпирающими на боках ребрами, а за нею вслед, налетая друг на друга, урча и кувыркаясь, плелось семеро разномастных и крохотных беспокойно-веселых щенят.

Заметив людей, сука в нерешительности остановилась, потянула носом и присела. В ее влажных черных глазах засветилась голодная тоска.

Лейтенант проглотил прожеванный кусок и, зацокав языком, поманил собаку к себе.

Та виновато повертела головой, поднялась, отошла на шаг и вновь села.

– Цуца!.. Цуца!.. – звал ее лейтенант.

Собака не двигалась.

– Осторожная, дрянь, – сказал курьер.

– Понимает, что нерусские, – добавил водитель и швырнул в нее пустой консервной банкой.

Собака отскочила в сторону, поджала хвост и вновь присела.

– Не так, – заметил один из солдат.

Он взял хлебную корку, полил ее водой из термоса и, круто посолив, бросил собаке.

Та жадно схватила корку на лету, щелкнула зубами, но тут же бросила, затрясла головой и зачихала.

Солдаты захохотали.

Собака продолжала стоять, несмотря на попытки людей подманить ее. По давней, извечной собачьей привычке она ждала, когда насытившиеся двуногие уйдут прочь, и тогда она безнаказанно воспользуется ничтожными остатками их обильной трапезы.

За избами послышался шум автомобильных моторов. Через деревню со стороны Горелова промчались четыре грузовые автомашины с высокими, обтянутыми брезентом кузовами.

Лейтенант встал, посмотрел на часы и, убедившись, что сорок минут растянулись до часа с лишним, отдал команду:

– Быстро собираться!

Солдаты встряхнули брезент, оделись, закурили и стали усаживаться в машину.

Когда люди отошли, собака трусцой направилась к вербе, за нею устремились и щенята. Мать, многочисленного семейства, виляя хвостом, начала подбирать хлебные корки, колбасную кожуру.

Водитель включил мотор, но, увидев вдруг поднятую руку лейтенанта, не тронул машину. Лейтенант вынул из кобуры массивный парабеллум, уселся поудобнее, уложил ствол пистолета на согнутую в локте руку, прищурил левый глаз и плавно нажал на спусковой крючок.

Выстрел оказался на редкость точным. Пуля угодила собаке в ухо и вышла насквозь. Сука даже не взвизгнула. Передние ноги ее сразу подломились, она ткнулась носом в землю и вытянулась. Кончики задних лап легонько вздрогнули.

Курьер захлопал в ладоши:

– Браво! Ловко, господин лейтенант! Глаз у вас хороший!

Водитель нажал педаль сцепления, включил скорость, и машина тронулась.

Щенята, вначале испуганные выстрелом и метнувшиеся в сторону, теперь пришли в себя. Мать их лежала спокойно, как лежала много раз. Казалось, нечего было бояться. Они подбежали к ней, начали тыкаться мордочками и принялись сосать еще не успевшее остыть и свернуться теплое молоко.

4

Километрах в восьми от Горелова шоссе дорогу пересекала небольшая, но глубокая речушка. Через нее был перекинут мост на деревянных сваях.

Строили мост задолго до войны и ни разу не ремонтировали. Сваи почернели, покрылись мхом, перильца обвалились, поперечные доски «играли» под колесами на все лады.

Речушка выбегала из леса и вновь уходила в него. Ее темно-зеленые и почти неподвижные воды укрывал высокий, в рост человека, камыш.

Курьерская машина легко взяла подъем, перевалила через него, спустилась на выключенной скорости к мосту и, взвизгнув тормозными колодками, внезапно остановилась. Посреди моста торчал воткнутый между бревен березовый шест, к которому был привязан большой кусок фанеры с надписью:

Halt!

Verkehr gesspert!

3 km. weiter rechtsfahren!¹

Гитлеровцы многозначительно переглянулись.

– Мина! – высказал предположение один из солдат.

– Вполне возможно, – поддержал второй. – Ничего в этом нет удивительного.

– Или неисправен, – заметил курьер.

– Сворачивай! – отдал команду лейтенант и, достав планшетку, обратился к карте.

Водитель с досадой почесал затылок, осадил машину назад и спустил с насыпи. Колеса запрыгали по ухабам и горбатым колеям лесной дороги.

Всмотревшись в карту, лейтенант отыскал мост, тоненькую красную нитку (дорогу), уходящую вправо, и нитку немного пожирнее, голубого цвета (речушку). Они вились рядом, как бы прижимаясь друг к другу.

– Дорога идет вдоль реки, – изрек лейтенант, – а переправы я не вижу.

Курьер ухмыльнулся и не без удовольствия кольнул начальника охраны:

– Переправы – дело временное и на картах не обозначены. Через три километра вам представится возможность ею полюбоваться.

Когда штабная машина скрылась в лесу, из камыша вышел Степан Заболотный. Штаны его были засучены выше колен, на плечах болтались туфли, связанные шнурками. Он огляделся, прислушался. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь щебетанием птиц.

Припадая на левую ногу, Степан быстро, как только мог, выбежал на мост, выдернул шест с куском фанеры и зашвырнул его в камыши.

– Движение открыто! Пожалте бриться! – сказал он с усмешкой и торопливо скрылся в лесу.

¹ Стоп! Проезд воспрещен! Объезд 3 км вправо!

5

Машина тем временем пробиралась вперед. Дорога жалась к речке. Справа к ней подступал лес, мрачный, неподвижный. Гитлеровцы приумолкли. Лесная сторожкая тишина действовала угнетающе. Они сидели в напряженных позах, крепко держа автоматы и ручные пулеметы, и водили глазами по сторонам, ловя малейший шорох.

Подходил к концу второй километр. Дорога становилась все глуше, то уводя машину глубже в лес, то прижимаясь к реке и повторяя ее изгибы. Никакого намека на переправу не было.

Лейтенант снова вытащил планшетку и долго мигал над нею белесыми ресницами: дорога километра через два забирала вправо от реки и вела к леспромхозу.

Лейтенант спрятал планшетку и, скосив глаза, взглянул на счетчик: уже перевалило за третий километр. Ему стало не по себе. Не то чтобы его охватил страх, но к сердцу подступала какая-то смутная тревога.

– Когда же кончится этот проклятый объезд? – зло выкрикнул водитель, нарушив общее молчание.

И тут заговорили все сразу.

– Дорожники на глазок прикидывают, – усмехнулся курьер бодрясь.

– Черт бы их побрал! – выругался водитель.

– Все, наверное, через мост чешут, – высказал предположение один из солдат, – а мы сюда сунулись. Смотрите, ни одной встречной не попало, и колея мало наезжена.

– И то верно, – согласился второй. – Надо было осмотреть мост и ехать помалу. Те, что через деревню ехали, так и сделали, наверное...

– Где вы раньше были, умники? – огрызнулся водитель.

– А место, место-то какое проклятое, – сказал третий солдат. – В такой чащобе, чего доброго...

Но его грубо оборвал лейтенант:

– Замолчать! Что за паника? Почему проклятое? Чудесное место.

Все снова притихли. Машина вскарабкалась на крутую горку и легко покатила вниз. Между дорогой и рекой узенькой полоской потянулся орешник.

– Да, – протянул с ехидцей курьер, – чудное местечко!.. Только я бы...

Он не успел досказать: под машиной что-то треснуло, с ходу она нырнула вниз, ударилась передком в плотную земляную стену и перевернулась набок.

– Огонь! – раздалось по-русски из-за ближайшего куста.

И тут же из зарослей орешника брызнула автоматная очередь, щелкнули пистолетные выстрелы, треснуло дробовое ружье центрального боя и в заключение ухнула самодельная граната.

И вновь стало тихо.

Шесть подпольщиков выбежали из чащи к глубокой яме, куда нырнула машина, стараясь заглянуть в нее. Никто из врагов не подавал признаков жизни.

– Похороны по первому разряду, Григорий Афанасьевич! – усмехнулся молодой веснушчатый парень в соломенном капелюхе.

– А ну-ка, сигай сюда, Тимошка, – приказал ему Чернопятков. – Пощупай, как они себя чувствуют. Только осторожно, гляди! Петро! Федор! – обратился он к двум другим. – А вы поищите почту да соберите оружие. Живо!

Трое партизан спрыгнули вниз.

– А их вытаскивать не будем, – проговорил Калюжный, имея в виду убитых гитлеровцев. Чернопятков усмехнулся.

– Пусть на машине так и едут в свой рай без пересадки...

Большой желтый портфель нетрудно было заметить: конец его торчал из-под тела курьера.

Один из подпольщиков вытащил портфель и бросил его Чернопятаву:

– Не это ли?

Чернопятав схватил портфель на лету, кинжалом оборвал его крышку, и на землю высыпались газеты, письма и большой пакет из плотной голубой бумаги, прошитый, осургученный и опечатанный.

Строго секретно

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ.

ИЗ ВЕРХОВНОЙ СТАВКИ.

В случае опасности захвата противником – уничтожить.

Командующему Н-ской бронетанковой армией генерал-лейтенанту

Отто-Фридриху Шторху.

ТОЛЬКО В ЛИЧНЫЕ РУКИ.

Так гласила немецкая надпись на пакете.

– Все, – крикнул Чернопятав. – Соберите бумаги и оружие! Ни одного листика не оставлять!

Трое выбросили наверх из ямы два легких пулемета, пистолеты, автоматы, вылезли и подошли к Чернопятаву. Он сидел на корточках и, перебирая письма, читал вслух адреса. Товарищи слушали.

Никто не заметил, как поднялся немецкий лейтенант. Он протянул руку к лежавшему рядом парабеллumu и, уставившись страшными глазами на подпольщиков, схватил пистолет. Сухо щелкнул выстрел.

Тимофей, стоявший ближе всех к яме, покачнувшись, взмахнул рукой и упал, не издав ни звука. Пуля угодила ему прямо в затылок.

Лейтенант дико захохотал. Чернопятав вскинул автомат, прогремела короткая очередь...

Подпольщики подбежали к яме: лейтенант лежал, откинувшись на спину. На лице его окаменела гримаса смеха.

Чернопятав повернулся, приподнял Тимофея, но тот валился из рук.

Подпольщики в молчании сняли шапки.

– Эх, растяпы! – в сердцах проговорил Чернопятав, опуская мертвое тело товарища на землю. – Какого хлопца потеряли...

– Да... – глухо уронил Калюжный.

– Засыпайте яму, – махнул рукой Чернопятав. – Пора уходить...

Чернопятав к любой боевой операции – малой или большой, легкой или трудной – подходил всегда одинаково серьезно, вдумчиво, расчетливо. В этом сказывался склад его дисциплинированной натуры. Он заранее пытался учесть все шансы «за» и «против», подсчитать плюсы и минусы, представить, как будут разворачиваться события.

И сегодняшняя операция не являлась исключением.

Каждый подпольщик, идя на нее, заранее знал, что от него требуется.

Почти все участники налета на машину провели ночь без сна. Казалось, чего проще: забраться в лес, вырыть «волчью» яму, замаскировать ее и ждать. Но так лишь казалось.

Чтобы это сделать, надо было прежде всего выбрать наиболее подходящее место для ямы; быть твердо убежденным, что машина пойдет именно этим путем; вынести из тайников, разбросанных в лесу, оружие; наконец, выбраться из города, не попав на глаза бдительных патрулей.

Предупрежденные Скитальцем патриоты знали главное: откуда, куда, каким маршрутом следует специальная машина, численность ее охраны. Но этого было еще недостаточно.

Вставало много вопросов. Их надо было решить в течение полусуток, и подпольщики их решили.

Теперь следовало устранить все следы операции, что имело огромное значение, и этим подпольщики занимались.

6

В полдень прошел короткий, но сильный дождь, и сейчас по умытому, нежно-голубому небу торопливо и вразброд бежали запоздалые облака. Ярко светило солнце.

Начальник местного отделения гестапо стоял у открытого окна, выходящего на городскую площадь, и наблюдал, как стекала вода с тротуара, как оживала площадь.

Зазвонил настольный телефон. Гауптштурмфюрер отошел от окна, снял трубку. Говорил военный комендант города майор Фаслер.

– Сегодня в шесть утра ко мне должна была прибыть машина со специальным курьером, идущая к фронту. Сейчас начало первого, а ее нет.

– Чем могу быть полезен я, любезный майор?

– Как вам сказать... Не думаете ли вы, что с ней могло произойти что-либо в дороге?

– Поломка? Задержка?

– Это ерунда.

– А что бы вы хотели?

– Хм... Я бы хотел, чтоб она пришла вовремя. Я должен сменить охрану и отправить машину дальше. Но ее нет. Не произошла ли авария? Преднамеренная, так сказать, авария?..

– Что, что? Преднамеренная авария?

– Вот именно.

– На своей территории я исключаю возможность аварии и диверсии. На дорогах спокойно и проверено. Партизаны орудуют далеко от наших мест.

– Тогда что же предложите мне думать, господин гауптштурмфюрер?

– Не понял.

– Я спрашиваю вас, что мне думать? Машина в начале седьмого выехала из деревни Лопухово, а в Горелов до сих пор не прибыла.

– Откуда вам известно, что она миновала деревню Лопухово?

– Я посылал туда двух мотоциклистов. Только что они вернулись и стоят передо мной. Опрос жителей дает основание думать, что машина прошла деревню. Алло! Вы меня слышите?

– Да, да... Сейчас я к вам подъеду.

Гауптштурмфюрер положил трубку, вновь снял ее и вызвал машину из гаража.

7

Под вечер прошел небольшой «слепой» дождь, второй за день.

Угасли краски заката. Наступили сумерки.

В подвал, где помещалась котельная, свет и днем проникал слабо. Сейчас здесь было почти темно. Чадившая на верстаке керосиновая лампа с лопнувшим стеклом скудно освещала часть комнаты.

Чернопятов закрыл двери и сидел, задумавшись, на топчане.

Он был доволен прошедшим днем. Утренняя операция удалась, группа благополучно вернулась из леса, и, если бы не гибель Тимофея, все было бы хорошо. Но вот Тимофей...

Чернопятов и его друзья ясно сознавали, что в их борьбе с врагом жертвы неминуемы. Но все же гибель товарища всякий раз казалась неожиданной, нелепой, случайной и оставляла в сердце глубокий, неизгладимый след.

Городское подполье было невелико, но представляло собой сплоченную и хорошо законспирированную организацию. Участники подполья жили в самом городе и для прикрытия своей нелегальной деятельности где-то и кем-то служили и работали. Это давало им самим и их семьям возможность хотя и впроголодь, но все же жить. Оккупанты крепко чувствовали удары патриотов и отлично понимали, что небольшой город, в котором они хотели бы считать себя полными хозяевами, не покорен и оказывает сопротивление.

Подпольщики не распыляли своих сил. Они работали целеустремленно, не хватаясь за то, что казалось более легким и удобным. Связанные по радио с фронтом, они подчиняли его задачам всю свою полную опасности и постоянного риска боевую работу. Это была сильная сторона подполья. Но было одно обстоятельство, осложнявшее дело: в районе города сейчас не имелось партизанской базы. Партизанский отряд под командованием Новожилова, сформированный в лесах Гореловского района, в мае ушел в дальний рейд и действовал сейчас на жизненно важных коммуникациях противника.

Город Горелов стоял в стороне от главных магистралей. До войны в нем насчитывалось не более сорока тысяч жителей. Кроме небольшой мебельной фабрики, железнодорожного депо, электростанции, кирпичного завода и нескольких артелей промкооперации, здесь не имелось никаких других промышленных предприятий. В военном отношении город не мог служить опорным пунктом для гитлеровцев, но зато в нем разместилось много тыловых, хозяйственных и полицейских учреждений оккупантов. Фронт предложил городским подпольщикам сосредоточить внимание именно на этих учреждениях.

Подполье насчитывало теперь двадцать семь человек, разбитых на шесть не зависимых одна от другой групп. Каждая группа возглавлялась старшим, и только старший встречался с Чернопятовым. Остальные могли лишь догадываться, что во главе всей организации кто-то стоит.

Начало подполью в Горелове было заложено горкомом партии еще до оккупации, когда линия фронта приблизилась к городу. Дело это доверили местному старожилу, крепкому, испытанному человеку Калюжному. А тот в свою очередь в помощь себе привлек комсомольца парикмахера Заболотного.

История же появления в городе Чернопятова такова. Он был кадровым офицером Советской Армии и перед войной командовал стрелковым батальоном одной из частей, входивших в Н-скую армию. Эта армия в числе первых приняла на себя удары гитлеровских полчищ в начале войны. Отрезанная от фронта, она в течение двух месяцев дралась в тылах врага, упорно пробиваясь на восток.

Она громила гитлеровские гарнизоны, автоколонны на шоссе и дорогах, аэродромы и базы оккупантов, поднимала на воздух мосты и склады противника, пускала под откос желез-

нодорожные эшелоны. Она шла через дремучие леса Белоруссии, через топкие болота Полесья, форсировала многочисленные водные преграды и, где бы ни встречала врага, навязывала ему бой. Однако ряды армии редели. Настало время, когда из нее с трудом можно было сколотить только полк. От батальона Чернопятава уцелело шесть человек.

Остатки армии расположились на отдых в лесу, в четырех километрах от Горелова, находившегося в руках гитлеровцев. Ночью командование связалось по радиации со штабом фронта. Был получен приказ: обойдя Горелов, пробиваться дальше на восток, выйти на Н-ский участок фронта. Начальнику разведывательного отдела армии подполковнику Бакланову было предписано направить в Горелов толкового офицера разведчика, который, связавшись с Калюжным, должен был наладить сбор и передачу разведывательных сведений для штаба армии и фронта.

Перед подполковником Баклановым встал вопрос: кого послать? Почти все офицеры разведчики или погибли, или заменили погибших в строю солдат.

Выбор пал на Чернопятава. Надо сказать, что многим выбор этот показался неудачным. Среди уцелевших офицеров были люди значительно моложе его, более энергичные и сами горевшие желанием остаться на нелегальной работе в тылу противника.

Чернопятав сносно объяснялся по-немецки, но некоторые из офицеров владели языком лучше. Чернопятаву был немного знаком город Горелов: в двадцать пятом и двадцать шестом годах он работал там инструктором допризывной подготовки. Но в политотделе армии был офицер, родившийся в Горелове и проживший там пятнадцать лет.

В характере комбата проглядывали черты, которые можно было бы отнести к отрицательным: он отличался медлительностью, из-за чего у него не раз возникали стычки с командиром полка; он любил по всякому поводу и даже без повода побрюзжать, вызывая этим раздражение у товарищей; на партбюро возникал разговор о его не совсем безразличном отношении к спиртному.

– Что же вы нашли в нем? – спросили подполковника Бакланова.

– Я знаю этого человека с восемнадцатого года.

– И все?

– Пожалуй, все.

– И вы уверены в нем?

– Как в самом себе.

– Но ведь он не согласится...

– Согласится, – ответил Бакланов.

И он был прав: Чернопятав согласился и в дождливый ноябрьский вечер тысяча девятьсот сорок первого года в обычной гражданской одежде, имея в памяти явку на квартиру Калюжного, появился на улицах Горелова.

Горелов был наводнен оккупантами. Здесь стояли пехотинцы и кавалеристы, летчики и танкисты, артиллеристы и саперы. Шло укомплектование новых частей и пополнение старых, потрепанных в боях. Формировались в спешном порядке и отправлялись на фронт маршевые батальоны. Повсюду были понатыканы пулеметы, пушки, минометы, улицы были запружены танками, бронемашинами, тяжелыми грузовиками.

С первых же шагов Чернопятаву не повезло. Пробираясь на квартиру к Калюжному, он напоролся на ночной патруль и был обстрелян. Несмотря на ранение, ему удалось уйти. Истекая кровью, он метался по незнакомым дворам, перебегал улицы, перелезал через изгороди и заборы и лишь в каком-то маленьком садочке повалился на землю. Силы покинули его...

Чернопятав пришел в себя утром на чьем-то чердаке. Нога его оказалась перевязанной. Скоро на чердак заявился вихрастый, курносый паренек лет шестнадцати, назвавший себя Костей.

Рана была не очень опасная, но Чернопятав чувствовал себя плохо. Поднялась температура, появилась хрипота. Мать Кости поняла, что у раненого воспаление легких. Трудно ска-

зять, выдержал ли бы его организм в жестокой схватке со смертью, если бы не этот паренек Костя и его мать.

Только перед новым, сорок вторым годом капитан Чернопятав почувствовал себя окончательно выздоровевшим и встал на ноги. Костя помог Чернопятаву разыскать Калюжного, а уже потом, через Калюжного, капитан связался и с Заболотным.

В начале сорок второго года Калюжный устроил Чернопятава истопником в баню. Когда-то, в юношеские годы, Чернопятав работал истопником в Тамбове у частного владельца городской бани. Теперь это неожиданно пригодилося.

Минул год. Чего только не пришлось испытать за это время! Вначале успехи были невелики, а горя людского повидали много. Силы подполья приходилось собирать по крохам, осторожно, обдумывая и проверяя каждый свой шаг. Постепенно группа крепла, удары по врагу становились все более смелыми. Часто в тиши и мраке ночи, согреваясь собственным дыханием под грубым одеялом, Чернопятав пытался мысленно представить себе день, когда выйдет из вагона поезда на тамбовском вокзале и с вещевым мешком за плечами придет на знакомую улицу.

Он не будет предупреждать о своем приезде ни письмом, ни телеграммой, появится неожиданно, тихо подойдет к заветному и уже ветхому домику, построенному еще руками отца, откроет ключом, и сейчас хранящимся в его кармане, знакомую до мельчайшей щелки дверь и скажет:

– Вот я и пришел!.. Живой и здоровый!..

А иногда казалось, что он никогда уже не вернется. Никогда не увидит сына, дочь, жену. Тогда уходил прочь сон, и Чернопятав поднимался утром с мешками под глазами, усталый, разбитый, с горьким осадком на душе...

Маленькая разведывательная группа выросла, и Чернопятав стал руководителем подпольной организации, насчитывающей шесть самостоятельных групп.

Да, подполковник Бакланов знал что делал. Он увидел в Чернопятаве не только недостатки, присущие в той или иной мере каждому человеку, но и то, чего не могли уловить другие. Была в Чернопятаве эта самая «закваска», как выражался Бакланов. И когда его спрашивали, что надо понимать под «закваской», подполковник неопределенно пожимал плечами. Трудно было это объяснить. Видимо, подразумевалось что-то особенное в характере человека, скрытое от чужих глаз...

...Чернопятав пососал сигарку и сплюнул. Она давно уже погасла. Он хотел было подойти к лампе и прикурить, но услышал за спиной едва уловимый шорох и прислушался. Шорох приближался.

Это не смутило Чернопятава. Он встал, отодвинул топчан и снял со стены старый, измызганный ковер, державшийся петлями на гвоздиках.

Только очень зоркий и внимательный глаз мог различить на сырой, почерневшей стене очертания узкой и невысокой (примерно по грудь человека) дверцы. Она вела в соседнее, такое же, как и котельная, подвальное помещение, где когда-то до войны размещался засолочный пункт горторга. Отсюда можно было проникнуть в развалины трехэтажного дома, рухнувшего от прямого попадания бомбы.

Руины дома – сплетение искореженных взрывной волной перекрытий, груды спаянного цементом кирпича и обломки железа – давно уже поросли травой. В них очень удачно скрывался почти незаметный, подобный щели, пролом под рухнувшей лестничной клеткой, который вел в подвальные помещения.

Этот ход, сооруженный Чернопятавым с помощью друзей, часто выручал подпольщиков.

Шорохи не прекращались. Кто-то шарил в потемках, пробираясь на ощупь через скрюченные велосипедные рамы, изуродованные колесные ободья, старые обожженные духовки, через различный хлам и лом, которым было забито соседнее помещение.

Но вот стало тихо, и через несколько секунд послышался условный стук.

Чернопятов извлек из кармана массивный медный ключ с узорчатой бородкой, сдвинул хорошо пригнанную к двери планочку, вставил ключ в замочное отверстие и повернул его раз, другой, третий. Дверь открылась бесшумно.

– Шагай, Митрофан Федорович! – бросил Чернопятов в темноту.

Низко пригнувшись, едва касаясь руками пола, в мастерскую влез Калюжный. Он выпрямился в углу у верстака и стал щупать голову.

– Везет тебе, старина! – улыбнулся Чернопятов.

– Не говори... – отозвался Калюжный. – Опять черт угроził стукнуться башкой об эту перекладину!

Калюжный был старше Чернопятова лет на пять. В организации он стал правой рукой Чернопятова и его первым советчиком. В годы Гражданской войны Митрофан Федорович партизанил на Урале, а в Горелове обосновался с двадцать третьего года. Жил он с женой, тремя дочерьми и сыном-подростком.

Калюжный отличался сердитым, крутым характером, любил, чтобы его понимали с полуслова. Он руководил самой большой группой подпольщиков и, как считал сам, держал ребят в ежовых рукавицах.

Страдая различными недугами, свойственными человеку в его возрасте, Калюжный, тем не менее, был, как никто иной, вынослив. В ходьбе, например, с ним трудно было тягаться. Он был узок в плечах, невысок, свои негустые седоватые волосы неизменно расчесывал на аккуратный пробор. Калюжный не считал себя стариком и сердился, когда Чернопятов называл его «старинкой». Но Чернопятов уловил эту слабость и частенько подтрунивал над другом.

Сейчас Калюжный стоял у верстака и, нахмурившись, поводил по сторонам строгими глазами.

– Садись, старина, – пригласил его Чернопятов.

Глазки Калюжного сердито блеснули. Присаживаясь, он недовольно буркнул:

– Далось тебе «старина»! – и тут же спросил: – Разобрался в бумагах? Есть что-нибудь дельное?

– Хе-хе!.. – усмехнулся Чернопятов и весело посмотрел на Калюжного. – Ну, ладно... Беру слова обратно.

– Ты скажи, как пакет? – нетерпеливо повторил Калюжный.

– Быстрый ты человек. До чего же быстрый!.. Сразу тебе вынь да положь! В пакете, брат, оказались такие бумаги, что у меня чуть ум за разум не заскочил...

Калюжный недоверчиво посмотрел на друга.

– Точно! – подтвердил Чернопятов. – Я читал и глазам не верил. А руки тряслись, будто кур воровал. Ох, и куш мы оторвали!

– Что же там? – сгорал от нетерпения Калюжный.

– Сейчас увидишь... – Чернопятов полез под верстак, отодвинул разную железную рухлядь, вынул из стены кирпич и сунул руку в отверстие. Оттуда он вытащил объемистую стопку бумаг.

Усевшись на прежнее место, он со свойственной ему неторопливостью разложил бумаги на коленях, разгладил их и начал перелистывать.

– Я разобрался только в названиях документов, но и этого довольно. Смотри!

Калюжный схватил бумаги, начал их листать.

– Ничего не пойму... Тарабарщина!

– А ты читай заголовки, – сказал ему Чернопятов. – Под каждым из них я написал по-русски.

Торопливо забегали пальцы Калюжного. Он перекидывал страницу за страницей, вглядывался к карандашные надписи, сделанные рукой Чернопятова, шепотом приговаривая:

- Черт возьми!.. Вот это да!..
- Сто семнадцать страниц! – заметил Чернопятав.
- Ужас!.. – проговорил Калюжный. – Просто ужас! – Он задумался и продолжал: – Что же нам делать? Если передавать все это шифром по радио, то уйдет полгода...
- Прежде чем передавать, надо их грамотно перевести, а это тоже время.
- И немалое, – согласился Калюжный.
- Да... А дело срочное, – покачал головой Чернопятав. – И перегружать рацию нельзя. Завалим мы Костю. Запеленгуют нас гестаповцы в один момент. Сейчас Костя передает четыре – пять минут два раза в неделю, а если взяться за это... – Он потряс ворохом бумаг перед носом Калюжного и присвистнул.
- Калюжный вздохнул:
- Я же говорю, что полгода уйдет.
- Ну, насчет полугода ты маленько загнул, – поправил его Чернопятав. – Я прикинул. Получается два месяца, если передавать ежедневно и по полчаса. Вот она какая штука!
- Пусть два месяца, – согласился Калюжный. – Но кому тогда будут нужны эти документы? На что годны?
- Хе-хе!.. Ребятам на самокрутки пойдут в самый раз... – заметил Чернопятав. – Положение хуже губернаторского. Купила баба порося!..
- Калюжный задумался, поджав свои тонкие губы.
- Чернопятав смотрел на него, тая в седых усах улыбку. Он понимал, что как ни быстр в решениях, как ни опытен в делах подполья Калюжный, все равно вдруг, сразу он не предложит ничего.
- Лицо Калюжного выдавало его растерянность.
- Вот же задача, – признался он в своей беспомощности. – Ничего не придумаешь...
- А я вот придумал, – проговорил Чернопятав и весело подмигнул товарищу.
- Тот насупил брови.
- Да, придумал, – повторил Чернопятав. Сняв с ноги ботинок, он вытащил из-под стельки сложенный в квадратик листок бумаги, развернул его и подал Калюжному. – Читай! По-моему, это единственный выход.
- Калюжный взял листок, исписанный мельчайшим, но разборчивым почерком, и стал читать.
- Молодец ты, Григорий Афанасьевич! Ей-богу, молодец! А ведь мне не пришло это в голову.
- Хе-хе!.. А мне пришло перед самым твоим, приходом, – признался Чернопятав. – Согласен?
- Полностью! Только вот что... – Он приложил палец ко лбу и закрыл глаза, пытаясь что-то вспомнить. – Мы какие явки им сообщали?
- Новые. Одну на Готовцева, вторую – на всякий случай – на меня. Это было в начале мая, когда они собирались прислать человека за деньгами...
- А-а... – вспомнил Калюжный. – За этими немецкими фальшивками?
- Вот-вот...
- Тогда все в порядке, – заявил Калюжный и спрятал листок за околыш кепки. – Завтра в двенадцать ночи депеша пойдет.

8

А в это время к городу подъезжала легковая машина, в которой восседали комендант города и начальник гестапо. Машину сопровождали четыре мотоциклиста.

Когда машина миновала мост через реку, начальник гестапо сказал:

– Как видите, в нашей зоне никаких следов нет.

Комендант вздохнул и ничего не сказал.

Поездка закончилась ничем. Выяснилось, что через деревню Лопухово за одно только утро по направлению к городу прошло десятка три машин. Несколько из них делали остановку в деревне.

Крестьяне на все расспросы отвечали неохотно и уж, конечно, ничего не могли сказать о какой-то особенной машине.

– А не думается ли вам, – вновь заговорил начальник гестапо, – что она не вышла еще с конечного пункта?

Комендант фыркнул:

– Я же телеграмму имею. В том-то и дело, что вышла. Вот куда девалась она, это мне непонятно. Неужели черт их понес проселками?

– Глупость, – заметил начальник гестапо.

– А что вы думаете? – проговорил комендант. – Взяли да и поехали, как короче и быстрее.

– Тогда бы они давно были здесь.

– Пожалуй, да...

Около комендатуры комендант кивнул своему спутнику и вышел. Начальник гестапо поехал к себе.

Не успел он сесть за свой стол, как зазвонил телефон и опять раздался голос коменданта:

– Это я, майор Фаслер... Мне только что вручили вторую шифровку... Машина вышла и должна давно быть у нас.

Начальник гестапо сделал нетерпеливый жест и ответил:

– Но ведь я с вами лично облазил все овраги и кюветы. Вы же сами убедились, что нет следов, ни аварии, ни взрыва.

– Я понимаю... – проговорил комендант. – Но что мне делать? Вы знаете, какое это серьезное дело?

– Знаю. Вы говорили. Но машина – не иголка. Это же машина, с людьми. И, наконец, почему вы не предъявляете претензий полевой полиции, фельджандармерии? Это же их, военное, а не мое дело. Я занимаюсь мирным населением.

В трубке послышался вздох. После короткой паузы комендант проговорил:

– Это ваше «мирное» население хуже открытого врага там, на фронте, – и он повесил трубку.

Начальник гестапо ругнулся.

– Черт знает что! Неужели нельзя было отправить курьера с такими документами по воздуху? А теперь ломай голову!

В дверь раздался стук.

– Войдите! – разрешил начальник гестапо.

Вошел молоденький оберштурмфюрер Мрозек, с гладко причесанной шевелюрой, подтянутый, аккуратный, в новехоньком мундире.

Представившись, он осведомился:

– Разрешите спросить?

– Что у вас?

– Я вам уже докладывал... Трое суток назад, в середине ночи, в эфире опять появилась неизвестная радиостанция... Мы ее именуем «крот».

– Вы уверены, что это именно та, которую засекли раньше, или новая?

– Смею вас уверить, что та же. Почерк радиста нам уже знаком. Она опять работала всего три минуты и исчезла. Видимо, перешла на прием.

– Ну?

– А эти трое суток не появлялась, хотя дежурство несли непрерывно.

– Что дала пеленгация?

– Начальник группы заявляет твердо, что радист с рацией скрывается в городе и где-то недалеко от вокзала.

– Все это мне известно и надоело слушать. Вы цапкаетесь с этим «кротом» уже полгода, – и начальник гестапо резким движением переставил с места на место телефон. – Я хочу знать, когда «крот» будет в наших руках. Ясно?

– Точно так.

– О чем вы хотели спросить?

– Продолжать дежурство пеленгаторщиков или сделать перерыв?

Начальник гестапо всплеснул руками:

– Вы или ребенок, или идиот, – проговорил он, сдерживая раздражение. – Каждый день толкуем об этом «кrote», а вы спрашиваете, делать перерыв или нет. Никаких перерывов! К дьяволу перерывы! Усилить группу и дежурить круглосуточно, пока не достанете из-под земли этого «крота». Хватит болтовни!.. Идите!..

9

Время близилось к обеденному перерыву. Немногочисленные рабочие депо станции Горелов с нетерпением ждали гудка.

Без пяти двенадцать явился гитлеровский надсмотрщик, эсэсовец Фалькенберг. Тяжеловесный и неповоротливый, он вошел в депо, остановился у ворот и, заложив руки глубоко в карманы, стал наблюдать. Его маленькие свиные глазки перебегали с одного предмета на другой, в то время как красное квадратное лицо было абсолютно спокойно: не шевелился ни один мускул.

Фалькенберг был жесток и злопамятен и производил тем более страшное впечатление, что почти не разговаривал. Каждый знал, что вызвать его недовольство – значит подвергнуть себя суровой каре. Никто не имел права ни присесть отдохнуть, ни выйти покурить. Пусть это будут только минуты. Категорически, под угрозой избиения, воспрещалось вести не относящиеся к делу разговоры и тем более собираться группами. Никакие доводы во внимание не принимались.

Фалькенберг строго и неукоснительно проводил в жизнь установленные им драконовские порядки. На первый раз виновный лишался на неделю обеденного перерыва и в течение недели же обязан был работать лишний час без оплаты. При повторном нарушении виновник немедленно увольнялся, и никакого денежного расчета с ним не производилось. Все шло в карман Фалькенберга, который выплачивал заработную плату сам. Он не вылезал из депо от начала и до конца работы.

Фалькенберг интересовался, однако, только распорядком и никогда не вмешивался в производство, в котором был полным неучем. Производством ведал мастер Карл Глобке, разрешавший рабочим именовать себя Карлом Августовичем.

Глобке был полной противоположностью Фалькенберга. У них нельзя было отыскать ни одной схожей черты, разве только то, что оба они были немцами и прибыли из Германии.

Старик Глобке, в прошлом сам рабочий, сносно объяснялся по-русски и прекрасно знал свое дело. Он был пунктуален, строг, требователен, но при всем этом справедлив. Он мог терпеливо выслушать рабочего, подать ему совет. Он никогда не сквернословил, не повышал голоса. Были и такие случаи, когда Глобке даже отпускал людей с работы по семейным делам. Его побаивались, как и всякого начальника, но в то же время уважали. Считали неудобным подвести в чем-либо старика Глобке. Поэтому, если выводился из строя станок, портился поворотный круг или ставилась негодная деталь на паровоз, делалось это так, чтобы старик был вне подозрений. Он никак не походил на представителя оккупантов, и рабочие за глаза именовали его Карлуша.

На Фалькенберга Глобке не обращал никакого внимания, как будто эсэсовца и не существовало... Им нельзя было не сталкиваться, не встречаться, но они будто по стовору умели объясняться без слов, жестами. При встрече Глобке молча кланялся, а Фалькенберг молча кивал. Этим дело и ограничивалось.

Без ведома Фалькенберга давать гудок на перерыв и в конце работы не разрешалось, а он старался выгадать каждую лишнюю минуту. И сейчас он стоял неподвижный, подобно живой туше, как бы олицетворяя собой произвол и жестокость оккупантов.

Уже прошла лишняя минута.

Из своей застекленной конторки вышел худощавый, сухонький, как всегда чисто выбритый, с аккуратно повязанным галстуком Глобке.

Он подошел к Фалькенбергу, вынул большие карманные часы и показал их эсэсовцу. Тот молча кивнул и ловко сплюнул в сторону. Глобке повернулся и направился в котельную.

В топке холодного паровоза очищал колосники от нагара подручный рабочий Костя Голованов. Он был голоден и ждал гудка как манны небесной.

Как и многие его товарищи, он воспринимал гудки по-разному. Два гудка: утренний и после-обеденный, призывавшие к работе, раздражали его. Не потому, что по натуре он был лодырь и не хотел трудиться, а потому, что приходилось тратить свое время и молодые силы, работая на оккупантов. Два же других гудка, звавшие на отдых, поднимали настроение, смягчали его злость.

И вот наконец гудок взвыл.

Все бросили рабочие места.

Костя выбрался из топки, быстро спустился с паровоза и отряхнулся от насевшей на него ржавой пыли. Лицо его было черным, только светились белки по-мальчишески озорных глаз и ровные, один в один, зубы.

Он вытирал руки паклей, когда к нему подошел Глобке.

– Как ваши дела, молодой челоек? Когда кончайт? – поинтересовался он, играя концом цепочки от часов.

– Завтра, Карл Августович. Уж больно много нагара.

– Это есть правильно, – согласился Глобке. – Завтра, оччень корошо. Желая вам приятный аппетит.

Глобке пошел к выходу. Костя следом за ним.

Поравнявшись с Фалькенбергом, Костя поздоровался, хотя отлично знал, что, требуя приветствий, сам эсэсовец никогда не отвечал на них.

Так произошло и сейчас.

«Свинья толстомясая!» – отметил про себя Костя и побежал поперек железнодорожных путей.

Костя жил в районе вокзала и в обеденный перерыв всегда ходил домой.

Дорога шла через виадук, за бетонированным забором, ограждавшим территорию станции, и отнимала тринадцать – пятнадцать минут, по-этому Костя редко пользовался ею, а ходил домой напрямик.

Перепрыгивая через рельсы, он достиг поворотного круга и, лихо перемахнув через высокий забор, оказался на Поперечной улице, от которой до его переулка было рукой подать.

Этот короткий путь требовал всего три – четыре минуты.

Костя замедлил шаг и стал внимательно поглядывать на заборы. На одном он заметил нарисованного неумелой рукой человечка с тонкими, как ниточки, руками и ногами. На туловище человечка можно было разглядеть две цифры: 9—13.

Лишь двое могли понять значение этих цифр: тот, кто писал, и Костя. Никакой шифровальщик не в состоянии был бы разгадать смысл рисунка. Допустим, кто-нибудь понял, что цифра 9 обозначает сегодняшнее число, а цифра 13 – время дня. Ну и что из этого? Мог ли он воспользоваться своей сообразительностью? Нет!

Дом, где жил Костя с матерью, имел две небольшие комнатухи, переднюю и кухню. Белизной своих стен он ярко выделялся из зелени вишневого сада, того самого сада, где в ноябре сорок первого года Костя нашел раненого комбата Чернопятава.

Вбежав в переднюю, Костя позвал:

– Мама!

– Я... Я... – отозвался тихий голос, и из кухни вышла маленькая, худенькая женщина лет шестидесяти.

– Мапочка, скорей теплой воды! – торопливо попросил Костя. – Надо умыться и срочно бежать в город.

Он украдкой взглянул на стол, где его ожидал завтрак: вареная картошка, кусок черного хлеба и стакан молока. Подавив соблазн, Костя скинул спецовку и, вымывшись над тазом, надел выходные брюки, расчесал волосы и торопливо вышел на улицу.

Будучи для своих семнадцати лет мал ростом, Костя шагал широко, размашисто, помогая движению руками, и от этого казался крупнее. Время от времени он встряхивал головой, отбрасывая назад волосы.

«В моем распоряжении сорок пять минут, – мысленно рассуждал он. – Что же получается? Если туда двадцать, да обратно двадцать, да пять минут там, получается сорок пять. Не годится... Надо успеть забежать домой и хотя бы переодеться. Придется поднажать... Неудачное время назначил Митрофан Федорович... Видно, что-то срочное. Не иначе... Он никогда в перерыв меня не вызывал».

Сэкономив пять минут, Костя добрался наконец до лавки, где продавались случайные вещи.

Тут, как всегда, толпился народ. Костя огляделся, обвел равнодушным взглядом полки с товарами, обошел длинное помещение, задержался несколько секунд возле женщин, разглядывавших туфли, и направился к прилавку, за которым стоял, скрестив руки, Калюжный.

– Покажите мне сорочку, пожалуйста, – попросил Костя, – лучше трикотажную.

Калюжный молча, с обычным сердитым выражением и, как показалось Косте, очень медленно повернулся к полке и стал перебирать несколько лежавших на ней разноцветных сорочек. Делал он это с неохотой, будто знал, что покупатель перед ним нестоящий, который только щупает товар и ничего не берет.

А у Кости дрожала от нетерпения каждая жилка, и в душе он поругивал своего старшего за медлительность. Ему хотелось крикнуть:

«Ну давайте, давайте любую, Митрофан Федорович! Вы же знаете, что мне это безразлично, а тянете! Я же опоздаю!...»

По мысленным подсчетам Кости прошло уже минуты три.

Наконец Калюжный выложил на прилавок синюю сорочку и застыл в невозмутимой позе, сложив руки на груди. Костя быстренько развернул ее и, забыв спросить о цене, сказал:

– Эта мне нравится! Беру... Заверните...

Ему почудилось, что в глазах Калюжного промелькнуло что-то вроде укора: эх ты, конспиратор!

Тогда Костя спросил цену и, схватив чек, метнулся к кассе.

«Ну, славу богу! – облегченно вздохнул он, оказавшись на улице. – Еще успею».

Он пуще всего боялся встретить кого-либо из знакомых и потерять на этом несколько минут, а потому шел быстро, опустив голову и не глядя на прохожих.

«Скорее!.. Скорее!..» – твердил он себе и ускорял шаг.

Вернувшись домой, Костя развернул покупку и вынул из нее листок бумаги.

Костя был радистом и шифровальщиком одновременно. Он знал то, что другим подпольщикам было неизвестно. Через него проходили самые секретные сообщения. Раньше Чернопята он узнавал предписания разведотдела армии, в его руки попадали для зашифровки явки организации и все донесения о работе подполья. Он был средоточием всех тайн.

И вот еще одна тайна доверена ему. В его руках радиограмма фронту. Она гласила:

Нами захвачена почта из ставки Гитлера в адрес командующего Н-ской бронетанковой армией генерал-лейтенанта Шторха, документы о вновь сконструированном и подготовленном к серийному производству сверхмощном тяжелом танке «дракон». В документах данные – о вооружении, броне, мощности двигателей и маневренности нового танка, инструкция по применению его в бою.

Документы и чертежи занимают сто семнадцать страниц. Передача по радио исключена. Переправить документы через линию фронта нарочным нельзя, рискуем потерять. Предлагаем два варианта:

Первый: высылайте человека по известным явкам, паролям.

Второй: направляйте самолет с посадкой на поляну «К» – условия и сигналы сообщим. Ваше решение ждем десятого в четыре пятнадцать. Комбат.

Костя так увлекся чтением, что не заметил, как вошла мать.

– Сынок! – вскрикнула она. – А ну-ка взгляни на часы!

Костя повернул голову и обмер: до гудка оставалось четыре минуты.

– Опоздал!

Он свернул листок и подал его матери:

– Спрячь, мама! Хорошенько!..

Когда за Костей захлопнулась калитка, она грустно покачала головой и подошла к висевшей в углу иконе. Пошептав молитву, она перекрестилась, сделала поклон и, протянув руку, спрятала листок под ризу Николая-угодника.

– Сохрани его, Господи! Отведи от него все беды! – проговорила она вслух. – Он же у меня последний...

В это время прогудел гудок.

Мать глубоко вздохнула и устало опустилась на диван.

Брошенная Костей сорочка попала ей на глаза, и она горько усмехнулась. Сорочка уже трижды появлялась в доме и трижды исчезала. Мать положила ее на колени, начала складывать, и слезы покатились из глаз.

Трех сыновей она родила, выкормила, вырастила, а в живых остался один Костя. Самый младший...

Первый сын умер задолго до войны; второй, телеграфист, погиб при бомбежке станции Горелов в самом начале войны.

Костя был намного младше своих взрослых братьев, с малых лет он относился к матери с особой лаской. И пока не пошел в школу, целыми днями крутился возле нее, помогая и по дому и на небольшом огороде. Соседние мальчишки прозвали его «маменькиным сынком».

Когда он подрос, его забота о матери не уменьшилась. Никакой домашней, даже женской, работы Костя не чурался. Он бегал по рынкам и по магазинам за продуктами, пилил и колол дрова, топил печи, таскал воду из колонки, заправлял лампы керосином, мыл полы, пытался ремонтировать обувь. И все это он делал весело, беззаботно, любовно.

В оккупированном городе Костя с матерью остались случайно. Они увязали пожитки, договорились с железнодорожниками и собрались выехать в Омск, к жене покойного сына. Но получилось так, что за неделю до сдачи города Костю послали на рытье окопов в дальнюю деревню. А когда он вернулся, об отъезде думать было поздно: в город нагрянули гитлеровцы.

А затем, сам того не ожидая, Костя стал участником подполья, да не рядовым, а святою святых подполья – радистом.

Началось с того, что в январе сорок второго года в Горелове появился паренек старше Кости года на три. Это был Миша Токарев – радист, присланный разведотделом Н-ской армии в распоряжение Чернопятава.

Чернопятав счел самым удобным укрыть Токарева в домике с вишневым садочком.

В лице Кости Токарев нашел верного помощника. Радист никуда не отлучался из дому и только по ночам выходил на часок – другой во двор подышать свежим воздухом. Когда он проводил сеансы, Костя безотлучно находился при нем, с огромным интересом и жадностью вникая, в тайны знакомого ему дела.

Да иначе и быть не могло. Еще с пятого класса школы Костя увлекался радиоделом, был старос-той кружка радиолюбителей-коротковолновиков в городском доме пионеров, хорошо

изучил азбуку Морзе. По разработанной им схеме кружок сконструировал очень интересный портативный приемник, который был отмечен на областном смотре пионерской самодеятельности.

Для подполья было крайне важным иметь радиста-дублера, который в случае нужды мог бы заменить Токарева. Чернопятав, еще живя в доме Головановых, убедился, что Костя – сметливый, серьезный и надежный паренек, что ему, несмотря на молодость, можно вполне доверять.

С разрешения Чернопятава Токарев обучил Костю не только работе радиста-оператора, но и сложному шифровальному делу. Одобрил это начинание и разведотдел Н-ской армии.

В конце апреля сорок второго года Токарев допустил оплошность. Желая хоть чем-нибудь помочь семье, которая его укрывала, он как-то ночью отправился с мешком на станцию, чтобы набрать с платформы, стоявшей в тупике, угля. И больше не вернулся: на другой день Мишу Токарева нашли убитым на путях.

Трудная и ответственная обязанность радиста-шифровальщика легла на Костю.

Мать, конечно, знала обо всем. Но она не вмешивалась в его дела. Больше того: сердцем чувствуя, чем грозит сыну малейшая неосторожность, она помогала ему и во время сеансов дежурила во дворе. А по ночам молила Бога, чтобы Он отвел от сына беду...

Вот и сейчас мать сидела, держа в руках сорочку, и беззвучно плакала от сознания своей беспомощности. Она видела, что юность сына проходит в невзгодах, в смертельной опасности. Кто же повинен в этом? Война, кругом война... Она воспринимала судьбу Кости по-матерински, и сознание того, что он рискует жизнью во имя Родины и что такая жизнь – подвиг, который готовы совершить тысячи сынов народа, не могло умерить ее мучительной тревоги.

10

В кабинете военного коменданта города шло совещание. Тут были офицеры комендатуры, представители местной полиции, сотрудники полевой жандармерии и фельдгестапо, срочно созданные для обсуждения чрезвычайного положения.

Присутствовал и начальник гестапо, хотя он, как и прежде, считал, что розыск машины – не его дело. Он сидел и с наигранным вниманием разглядывал узоры на ковре.

Выступали все, кому не лень. Каждый считал своим долгом высказать какую-то догадку, предположение и хотя бы коротенькое, но собственное, отличное от других, мнение. Потом заговорил комендант майор Фаслер.

– Подытожим, господа, – сказал он. – Как ни печально, но большинство склонно предполагать, что на машину в пути следования совершено нападение. Из этого нам и надо исходить.

– Выходит, по-вашему, – не сдержался начальник гестапо, – что враги захватили живыми курьера с почтой, охрану и затянули их в лес?

– А что? – спросил комендант.

– Куда же девалась машина? – задал вопрос гестаповец. – С машиной им управиться было труднее.

– Они могли угнать машину, – робко высказал свое мнение начальник полиции.

– Нелепость! – воскликнул гестаповец. – Она не могла пройти незамеченной через пункты жандармерии. Мы имеем теперь проверенные данные о всех машинах, шедших в нашем направлении. Машины с курьером среди них нет.

– Что же вы предлагаете? – обратился к нему комендант.

– Искать, – ответил начальник гестапо. – Искать по маршруту ее следования, а не вблизи города...

Вошедший дежурный прервал его и попросил снять телефонную трубку. Гестаповец подошел к телефону.

Звонил его заместитель.

Он доложил:

– Только что видел Филина. Занимательная история. Он получил письмо от небезызвестного Новожилова...

– Командира партизанского отряда? – недоуменно спросил начальник гестапо.

– Совершенно верно.

Все присутствовавшие на совещании замерли и насторожились.

– Дальше! – потребовал начальник гестапо.

– Новожилов хочет прислать к нему свою дочь и просит, чтобы он пристроил ее где-либо в городе на работу, желательно около себя. И советует Филину выдать дочь за свою сестру. Понимаете? Между прочим, эта дочка владеет немецким языком. Филин уверен, что это партизанская разведчица или связная. Он хорошо знает Новожилова и отлично помнит, что у того есть три сына и никогда не было дочери. Я предполагаю, что партизаны замыслили какую-то комбинацию.

– Когда она должна явиться?

– Об этом в письме не сказано, но, очевидно, в ближайшее время.

– Гм... Да... Так... Сейчас я приеду, – проговорил начальник гестапо и положил трубку. Взгляды всех остановились на нем.

– Что-нибудь новое? – с затаенной надеждой в глазах поинтересовался майор Фаслер.

– Да, новое, – ответил начальник гестапо, – но не имеющее никакого отношения к машине. Простите, но мне надо быть у себя.

Присутствующие переглянулись.

11

От домашних дел Костя освободился в двенадцатом часу ночи. Он успел выкупаться, принес воды из колонки, прополол грядку с луком, поставил подпорки возле расцветающих кустов золотого шара, сбежал к знакомому железнодорожнику и выпросил у него бутылку керосина. Потом он зашифровал телеграмму, спрятал ее и стал ждать своего времени.

Мать уже спала во второй комнате, а может быть, только делала вид, что спит.

Костя прошелся босиком по прохладному полу, вымытому им же, погасил свечку и вышел во двор.

Ночь стояла тихая, теплая. Со станции доносилось пыхтение и гудки маневрового паровоза, свистки сцепщиков и стрелочников, лязг буферов. Костя прошел до калитки и, убедившись, что она заперта, вернулся. Он сел на маленькую скамеечку, сделанную еще отцом, и прислонился спиной к стене дома.

Звезд на небе было такое множество и горели они так ярко, что видны были пышные кусты золотого шара, горшки с фикусами и олеандрами, вынесенные на лето на воздух, скворечня на крыше сарая, береза-двойняшка, растущая в самом углу, у забора...

К сеансу Костя был готов. Он еще ни разу не сорвал ни приема, ни передачи, хотя причин к этому бывало больше чем достаточно.

Как-то весной на станцию прибыл эшелон с вражеской пехотой и простоял двое суток. В саду Головановых ночевал целый взвод, а Косте предстоял прием. И он принял важное сообщение, хотя по двору беспрерывно расхаживал часовой.

А в конце мая у них в доме две недели стоял гитлеровский офицер интендантской службы, занятый отгрузкой леса в Германию. Но и тут Костя ухитрился провести все сеансы. Он забирался на чердак, в погреб, устраивался под открытым небом в саду, укрываясь в специально сделанном окопчике.

А что стоили встречи с Калюжным? От него Костя получал донесения, ему одному вручал ответы.

Условия каждой встречи приходилось заново изобретать, тщательно продумывать, чтобы она не походила на предыдущую и не навлекала на себя подозрений.

Очень сложно было доставлять Калюжному уже расшифрованные телеграммы с заданиями разведотдела или с важной ориентировкой. Их приходилось носить через весь город, прибегая к помощи тайников, условных «почтовых ящиков», где Костя прятал телеграммы и откуда Калюжный или Чернопяттов позже их брали.

Как-то, идя с рынка, где он извлек из тайника очередное донесение, Костя попал в облаву. Полиция ловила воров, ограбивших буфет при офицерском клубе. В донесении шла речь о расправе с заместителем бургомистра города и перечислялись подробности этой операции. Едва Костя успел сунуть в рот исписанный листок, как полиция схватила его и стала выворачивать карманы. А однажды случилось еще хуже. С депешей от Калюжного, не успев забежать домой, пришлось идти на работу. А донесение было особо важным: разведотдел фронта извещался о том, что в окрестностях города, в одном из бывших домов отдыха, открыта школа «Абвера» по подготовке диверсионных кадров. Подполье называло фамилии предателей, завербованных в школу.

Только вошел Костя в депо, как начался поголовный обыск. Гестаповцы искали листовки, разбросанные в тот день по городу. Выйти из депо нельзя: у входа стоял эсэсовец Фалькенберг.

Костя нашелся. Подойдя к знакомому слесарю, он попросил у него щепотку самосада и скрутил из телеграммы такую огромную «козью ножку», что слесарь от удивления вытаращил глаза. И никогда в жизни не бравший папиросы в рот, Костя выкурил «козу» до конца.

Часто смерть почти настигала Костю, шла по его пятам или забежала и ждала его впереди. И не раз спасала Костю только случайность.

Но комсомолец Костя ясно сознавал, ради чего он идет на смертельный риск. И как ни трудно было порой, он не сворачивал с избранного пути.

...Время шло медленно. Тишина клонила ко сну. Боясь дремы, Костя встал и тихо вошел в дом. Он закрыл окна внутренними ставнями, зажег в углу за печкой две свечи, потом вновь вышел во двор и вернулся с радиостанцией и батареями.

Разложив все на столике, он неслышно отворил дверь во вторую комнату и взгляделся в полумрак. Мать лежала на кровати одетая, прикрыв глаза рукой.

– Мама! – шепотом позвал Костя.

Она встрепелась и повернула голову:

– Ты что, сынок?

– Работать надо, мама...

Она знала, что от нее требуется, встала, сунула ноги в домашние туфли, накинула на голову темный платок и вышла во двор, чтобы ходить, прислушиваясь к каждому шороху, до той поры, пока сын не позовет: «Пора спать, мама».

Костя надел наушники и сел за стол.

Армейский радиоцентр уже ждал и подавал свои позывные. Костя ответил, тщательно отрегулировал настройку и, убедившись, что на приеме ничего нет, перешел на передачу.

Костя отстукивал ключом автоматически, думая в это время о том, что враг слушает его точки – тире и тщетно пытается их разгадать.

Три дня назад он передал телеграмму в несколько строк обычных знаков. Если бы гитлеровцы только знали, о чем говорят эти точки – тире! А речь шла о том, что к воинской платформе прибыли два состава: один с авиабомбами, а другой с горючим; что на бывшем выпасе, между городским кладбищем и лесом, гитлеровцы оборудуют новый аэродром и на нем уже ночует до сорока бомбардировщиков.

Костя искоса взглянул на часы: прошло пять минут. Хорошо. Очень хорошо. Осталась четвертая часть телеграммы. Значит, он уложится в семь минут...

С шумом распахнулась дверь, и на пороге появилась мать. Ужас искажил ее лицо. Тяжело дыша, держась одной рукой за дверной косяк, а другой за сердце, она выкрикнула каким-то придушенным голосом:

– Родной!.. Спасайся!.. Немцы!..

Горло Кости перехватило горячей волной. Он оборвал передачу и сдернул с головы наушники.

– Где?

– Лезут через ворота... валят забор.

Костя вскочил. В виски и затылок сильными, ощутимыми толчками застучала кровь.

– Беги в сад! – строго приказал он.

– А ты?

– Беги не медля! – крикнул Костя, и мать, всхлипнув, скрылась.

Костя подскочил к двери, накиннул на нее крюк, вставил ножку стула в дверную ручку, подтащил диван. Сердце колотилось гулко, на лице выступила испарина. Он замер прислушиваясь. Кругом было тихо, и не хотелось верить, что пришла беда.

Он обвел глазами кухню, будто запоминая все, что здесь находилось, и в это время ясно расслышал приглушенные голоса. Он потушил одну свечку и решил: «Выберусь через окно в сад». Отключить питание от рации, выдернуть антенну, сжечь на пламени свечи шифровку было делом двух – трех секунд.

В сенях раздались шаги, и кто-то забарабанил в дверь.

«Успела ли скрыться мама?» – мелькнула тревожная мысль.

Костя схватил радиостанцию, прижал ее к груди и бросился во вторую комнату, к окну, выходившему в сад. Надо было осторожно, без шума открыть ставню, распахнуть окно и выпрыгнуть в куст сирени. А от него три шага до пролома в соседском заборе.

Придерживая одной рукой рацию, Костя потянул ставню на себя. Но тут звякнуло стекло, и перед его лицом мелькнуло острое жало плоского немецкого штыка. Костя едва успел отпрянуть. Штык скрылся и блеснул вторично.

«Окружили!..» – пробежало в сознании.

А в дверь ломились, колотили прикладами. Раздавались требовательные выкрики и грубая брань.

Мысль Кости работала скачками, но вместе с тем так остро, как это может быть лишь в минуты смертельной опасности. Он понимал, но не хотел верить, что настал конец.

– Держись, Костя! – зло крикнул он и с силой ударил рацию об острый угол печки. Осколки разлетелись по всей комнате.

Кругом стоял грохот. Казалось, качается весь белый домик. Барабанили в окна, в двери. Над головой послышался тяжелый топот, посыпалась штукатурка с потолка. Значит, гестаповцы разобрали черепицу и уже проникли на чердак...

Костя стоял посреди комнаты и дрожал, как олень, окруженный со всех сторон волками.

И вдруг неожиданно пришло странное спокойствие. Теперь он знал, как поступить. Он опустился на колени возле буфета, приподнял половицу и извлек из-под нее большую противотанковую гранату, обвязанную промасленной тряпкой. Костя отбросил тряпку, снял предохранитель гранаты и стал ждать. Он слышал, как кто-то бился в дверь всем корпусом и натужно кряхтел. Затрещав, дверь слетела, и в комнату ворвались, разъяренные гестаповцы.

Костя дунул на свечу и бросил гранату. Взрыв потряс весь домик до основания. Сильная взрывная волна вышибла ставни, окна, вздыбила пол, потолок, перевернула мебель...

12

Части Н-ской армии, теперь полностью укомплектованной и заново вооруженной, после многодневных тяжелых боев стали на отдых. Разведотдел армии разместился в небольшой освобожденной от фашистских захватчиков, разоренной и почти безлюдной деревеньке.

Начальнику разведотдела полковнику Бакланову отвели однокомнатную избу, сложенную из крепких сосновых бревен. На стене уже была пришпилена карта. Под нею стоял железный несгораемый ящик с двумя ручками по сторонам. Кроме соснового стола и железного ящика, в избе было полдюжины табуреток и стояла походная раскладная кровать, прижавшаяся к глухой стене. На сером шерстяном одеяле лежали автомат с запасными дисками к нему и две чешуйчатые гранаты «Ф-1», похожие на сосновые шишки. На надувной резиновой подушке красовалась артиллерийская фуражка с выцветшим околышем.

На столе стояли два полевых телефона, пепельница из консервной банки и солдатский котелок с торчавшей из него деревянной ложкой. Полковник Бакланов, уже немолодой человек с крупными чертами лица, в очках, чем-то напоминавший усталого учителя, сидел за столом над раскрытой папкой и читал ориентировку главного разведывательного управления.

Ориентировка говорила о том, что фашистская Германия, не успев еще залечить тяжелые раны, полученные зимой, доукомплектовывает остатки разбитых частей, формирует новые и гонит их на восток. В район Курска непрерывным потоком движутся воинские эшелоны противника, колонны автомашин, тяжелая артиллерия, новые самоходные пушки. Идет грандиозная перегруппировка войск, подтягиваются резервы, перебазировается авиация стратегического назначения.

Бакланов отвел уставшие глаза от фиолетовых машинописных строчек, снял очки, захлопнул папку и встал. Он был высок, держался прямо. Теперь в нем без ошибки можно было узнать старого кадрового офицера.

Спрятав папку в несгораемый ящик, Бакланов заглянул в котелок. Гречневая каша застыла. Он попробовал взять ее ложкой, но каша поддавалась плохо. Бакланов чиркнул зажигалкой, поднес ее к потухшей папиросе и направился к койке, расстегивая на ходу поясной ремень. В это время кто-то постучал в дверь.

Бакланов застегнул ремень и разрешил войти.

Стремительно вошел начальник отделения капитан Дмитриевский. Молодой, быстрый, он подал полковнику расшифрованную радиogramму и сказал:

– От Чернопятава.

– Садитесь, – сказал Бакланов, прошел за стол и стал читать полученное сообщение.

Вдруг он поднял глаза на Дмитриевского и строго сказал:

– Я уже предупреждал вас... Не докладывайте телеграмм частями. Когда будет окончание? Ведь это же не конец? – он наклонился над текстом и прочел глуховатым голосом: – «Предлагаем два варианта. Первый: высылайте человека по известным явкам, паролям...» А дальше?

– Гореловский корреспондент оборвал передачу на этом месте без предупреждения, – доложил капитан. – И больше в эфире не появляется, несмотря на наши позывные.

Черные и густые, точно наклеенные, брови Бакланова строго сдвинулись.

– Оборвал? – переспросил он.

– Так точно.

Бакланов отложил папиросу и уставился глазами в темное пятно небольшого окна. Потом он снова пробежал телеграмму глазами и забарабанил пальцами по столу.

– Черт возьми! – бросил он немного погодя. – Вы понимаете, какие ценные материалы захватили ребята? Мы знали, что по личному указанию Гитлера видный конструктор фон Тро-

тте работает над созданием нового, сверхмощного танка, но не знали, что его назовут «драконом» и что он уже готов. Готов и прошел испытания. Да... – Бакланов вновь энергично забарабанил пальцами. – Молодчина Чернопятав, порадовал! Теперь дело за нами. Нельзя терять ни минуты. Пока фашисты наладят серийное производство «драконов», наша промышленность обеспечит армию специальными снарядами, которыми можно будет обломать клыки новому зверю. А для этого мы должны знать его сильные стороны и уязвимые места. Хм... Как же мог прерваться сеанс?

Капитан Дмитриевский пояснил: сеанс начался в ноль шестнадцать и неожиданно прервался в ноль двадцать одну минуту. Дежурный оператор подозревает, что гореловский корреспондент пытался передать знак «Мне угрожает опасность», но, по-видимому, не успел. Правда, оператор не совсем уверен в этом, так как смог принять только одно слово «мне», которое тот передал открытым текстом. Армейский радиоцентр вызывал гореловского корреспондента два часа подряд, но безрезультатно... Дежурный оператор и сейчас слушает.

– Уж коль он перешел на открытый текст, – заметил Бакланов, – то, видно, неспроста. Что же там стряслось?

Дмитриевский пожал плечами и ответил:

– Многое можно думать...

Он ведал разведывательной и подрывной работой за линией фронта, дважды сам побывал в тылах противника, кое-что повидал и понимал, что на оккупированной территории опасность подстерегает на каждом шагу.

– А все же? Что вы предполагаете? – настаивал Бакланов.

Дмитриевский как-то неловко потер свой высокий лоб, собравшийся в морщинки. Ему почему-то не хотелось высказывать сейчас свои затаенные мысли. Срыв одного сеанса еще не давал основания бить тревогу...

– Возможно, что-нибудь помешало передаче, – произнес он, – и радист решил прервать сеанс... Воз...

– Вы говорите не то, что думаете, – прервал его на полуслове Бакланов. – Не то...

– Нет... Почему? – слабо возразил Дмитриевский. – Вы же помните, как получилось со мной в Орше в прошлом году.

– Ну, ну... Дальше! – как бы подтолкнул его Бакланов.

– Туманова вела передачу, – продолжал капитан, – а я дежурил на улице. И вот мчится мой паренек и докладывает: эсэсовцы окружили квартал и начинают повальные обыски. Передачу пришлось прервать. Тридцать два часа я и Туманова отсиживались в пустой и холодной голубятне. А связь восстановили только через неделю. И уже не из Орши.

– Но если мне не изменяет память, Юлия Васильевна успела дать сигнал «Связь временно прекращаю»? – напомнил Бакланов. – Так, кажется?

– Совершенно верно, – согласился Дмитриевский.

– А этот пытался передать другой сигнал и не успел, видно... – Бакланов встал из-за стола и заходил по комнате. Отжившие свой век половицы жалобно поскрипывали под ногами. – Все это очень печально и некстати, – произнес он. – Вы только подумайте, какого зверя они ухватили! «Дракoна»!.. Одно название чего стоит! Молодчина Чернопятав! Герой! Да... И если с ними стряслась беда... – Он умолк и, подойдя к столу, машинально передвинул полевой телефон с места на место.

Бакланов и Дмитриевский молчали и думали. Думали и молчали... Долгую паузу нарушил капитан:

– Попасть под радиопеленгатор – это худшее, что может случиться, но нельзя исключать и многое другое...

– Как это понимать, многое другое? – задал вопрос Бакланов и сам же попытался ответить на него: – Вы хотите сказать: перегорела лампа, отказало питание или еще что-либо в этом роде?

– Вполне возможно.

– Не думаю. Гореловский корреспондент отличался дисциплинированностью и аккуратностью, за что и представлен к награде. Не допускаю мысли, чтобы он начал сеанс на неисправной рации, а если и начал, то предупредил бы нас. Тут что-то другое.

Дмитриевский промолчал. Ему нечего было возразить.

– Вы не теряете надежды, что связь возобновится? – спросил его Бакланов.

Капитан кивнул.

– Хм... Я хочу тоже верить в это, – проговорил Бакланов. – Ну, а если не возобновится? – Бакланов вновь взял телеграмму и прочел вслух: – «Предлагаем два варианта. Первый: высылайте человека по известным явкам...» Две возможности, – повторил он. – И возможно, что во второй шла речь о присылке самолета... Какая досада!..

– Это был бы самый желательный вариант, – подхватил Дмитриевский.

– Но сейчас совершенно невозможный, – заметил Бакланов. – О посылке самолета мы договориться без связи не сможем. – И он покачал головой. – Нужно же такому случиться?

Бакланов бросил телеграмму, подошел к карте и всмотрелся в нее.

– И что вы все-таки предлагаете? – обратился он, не оборачиваясь, к Дмитриевскому.

– Ждать утра, товарищ гвардии полковник, – последовал ответ. – По условиям связи в шесть утра контрольно-проверочный сеанс, обмен позывными и только. Возможно, корреспондент выйдет...

– А если не выйдет, товарищ гвардии капитан? – прервал его Бакланов, не меняя позы и продолжая рассматривать что-то на карте. – Не выйдет ни в шесть, ни в семь, ни завтра, ни послезавтра. Тогда что, я вас спрашиваю?

– Вы не дали мне докончить, – сказал Дмитриевский.

– Прошу! – произнес Бакланов и резко повернулся. – Ради бога!

– Ждать утра и одновременно готовить к посылке человека, – отчеканил капитан.

– Вот! Правильно! – одобрил Бакланов. – Готовить. И с таким расчетом, чтобы сегодня же ночью выбросить. Дело архисрочное. Кто у нас свободен?

– Свободны трое, но послать придется Туманову, – ответил капитан.

Полковник едва заметно усмехнулся и внимательно посмотрел на капитана своими умными прищуренными глазами.

Дмитриевский вспыхнул, и кровь прилила к его лицу.

Работая полтора года с Дмитриевским, полковник знал, что капитан далеко не безразличен к разведчице. Их обоих соединяло хорошее, молодое чувство. И оба скрывали друг от друга то, что совсем нетрудно было заметить окружающим. Вместе с Тумановой капитан дважды был в тылу врага. Знал Бакланов и то, что, когда на карту ставятся интересы дела и речь заходит о Тумановой, капитан всегда старательно подчеркивал свою объективность. Случалось, он даже строже относился к Тумановой, чем к другим.

– Но почему именно Туманову? – переспросил полковник.

Еще не успокоившийся Дмитриевский ответил хмуро:

– Могу предложить свою кандидатуру.

Бакланов раздраженно взмахнул рукой и строго потребовал:

– Отвечайте на мой вопрос.

Капитан изложил свои доводы. Свободны трое: лейтенант Назаров, сержант Караулова и лейтенант Туманова. Первый знает радиодело, но еще не обучен шифру, вторая владеет шифром и только изучает радиодело. Следовательно, их можно послать только в паре. Туманова же является радисткой и шифровальщицей.

– И все? – полюбопытствовал Бакланов.

– Нет, не все, – сказал Дмитриевский. – Чернопяттов сообщил нам в начале мая две явки. Основную – к повару кафе «Глобус» Готовцеву и запасную – на себя. На тот случай, если Готовцева не окажется на месте. На явку надо посылать женщину под видом сестры Готовцева и с документами на ее же имя. Сестра Готовцева работает в минской комендатуре переводчицей, свободно объясняется по-немецки. Туманова же, как вам известно, неплохо владеет немецким языком.

– Так, так... Ясно. Кстати, напомните, в связи с чем Чернопяттов сообщил нам эти явки и пароли, – попросил Бакланов. – Я тогда был в командировке в Москве.

Дмитриевский кратко рассказал. Люди Чернопяттова в конце апреля произвели небольшую операцию. Они вскрыли сейф бургомистра города и изъяли свыше трех миллионов рублей в советских знаках сторублевого достоинства. Деньги надо было вывезти с оккупированной территории. Разведотдел договорился с Чернопяттовым о присылке к нему человека, получил явки и пароли. Но через несколько дней Чернопяттов сообщил, что деньги оказались фальшивыми, изготовленными в Германии. Тогда командующий приказал сжечь их.

– Хм, забавная история! – заметил Бакланов. – Так... А когда Юлия Васильевна вернулась из-за линии фронта?

– Девять дней назад...

– Так ли? – поинтересовался Бакланов, вынул из кармана записную книжку и стал перелистывать ее.

– Точно так, – подтвердил Дмитриевский. – Сегодня у нас девятое, а она вернулась первого.

– Положим, у нас сегодня не девятое, а уже десятое, – поправил Бакланов. – Это мы, полуночники, сбились со счета. – И он взглянул на часы. – Сейчас без двух минут три. А успела отдохнуть Юлия Васильевна? Как она чувствует себя?

Дмитриевский улыбнулся. Что он может сказать? Она чувствует себя, как обычно, и ни на что не жалуется.

– В ее возрасте я тоже ни на что не жаловался, – сказал Бакланов, – но это вовсе не означало, что я не уставал и не нуждался в отдыхе. Ну, ладно... Решим так: побеседуйте обо всем с Юлией Васильевной самым подробным образом, а я доложу ваше мнение командующему.

– Слушаюсь, – Дмитриевский встал. – Можно идти?

– Идите, – разрешил Бакланов и проводил взглядом капитана.

13

Десятого июня в половине восьмого утра Чернопятав открыл дверь котельной. В глаза ударили яркие лучи солнца. Чернопятав прищурился и зябко повел плечами. В его «пещере», как он именовал свое жилище, всегда царили полумрак, сырость и прохлада. Баня топилась лишь два раза в неделю, в остальные дни топливо расходовать не разрешалось.

Закрепив обе половинки двери на стенные крючки, Чернопятав взглянул на тротуар. Там, как на пружинках, уже подпрыгивал бойкий воробушек.

– Прилетел, шельмец? – усмехнулся Чернопятав. – А где же остальные?

Воробушек чирикнул, что, видимо, означало: «Сейчас все будут».

Чернопятав спустился вниз и возвратился со старой жестянкой из-под кофе, в которую складывал крошки. Сегодня там был пшенный концентрат.

Около дверей уже суетилась добрая дюжина серых комочков, которые скакали и щебетали, требуя завтрака.

Чернопятав помял в руках концентрат и высыпал на край тротуара. Воробьи шумно набросились на еду, жадно хватая большие кусочки слипшейся промасленной каши. Они вытягивали шейки, топорщились, тужились и все-таки проглатывали их.

Не прошло и минуты, как с кашей было покончено.

Воробьи сразу отяжелели, напыжились и смотрели с каким-то недоумением на своего кормильца. Некоторые принялись приводить себя в порядок, перебирая клювом перышки.

– Довольно, христиание, – сказал Чернопятав, сел на порог и начал крутить сигарку.

Так было ежедневно. Привык к этому Чернопятав, привыкли и воробьи. Чернопятав закурил, расстегнул ворот рубахи.

– Теплынь-то какая!.. Хорошо!..

Он благодушно нежился под ласковым солнцем, дымил самокруткой и посмеивался про себя. Знали бы гитлеровцы, какие документки упрятаны под его верстаком! Хе-хе! Куда там! Разве можно додуматься до этого! А машина? А курьер? Так и пропали? Пропали! Как корова языком слизнула. Все сделано чисто. Раз – два – и концы в воду. Пусть поломают головы. И Костя уж, конечно, «отстучал» и ответ, видно, получил. Какой, интересно, вариант изберет полковник Бакланов? Скорее всего – второй. Не иначе, как самолет прилетит с посадкой. Это удобнее всего и быстрее. Да чего там гадать? Бакланов решит, ему виднее: дядька мозговитый. Хорошо бы сейчас взглянуть на него. Как он выглядит, как воюет, старый служака... Обтерла его жизнь, обкатала. Полковник, шутка ли сказать?! А ведь был когда-то шахтер. Коногон, кажется. Вот что значит человек!..

Рассуждая таким образом, Чернопятав попыхивал дымком и поглядывал на улицу.

Вот показалась немецкая походная кухня на жестком ходу, влекомая сытым и купечеством меринком. Она громко тарахтела по булыжной мостовой. На передке восседал пожилой солдат с заспанным лицом. Он отгонял кнутовищем надоедливых слепней, осаждавших круп лошади.

Походную кухню обогнали три мотоциклиста в эсэсовской форме, а потом показалось печальное шествие. Окруженные плотным кольцом автоматчиков, устало брели человек двадцать арестованных. Среди них Чернопятав заметил двух женщин. Все шли молча, низко опустив головы, держа в руках свертки, узлы, мешки.

«Видно, в Германию отправляют!» – подумал Чернопятав, всматриваясь в лица арестованных. Но никого из знакомых он не обнаружил. Процессия свернула на перекрестке с Биржевой улицы на Почтовую.

В доме напротив открылось окно, и показалось худое изможденное лицо женщины. Женщина поклонилась Чернопятаву, и он ответил ей тем же. Так происходило почти ежедневно.

Чернопятов знал от соседей, что женщина, с которой он, по сути дела, не был знаком и ни разу не обмолвился ни единым словом, до войны работала учительницей. После гибели на фронте мужа ее разбил паралич, отнялись обе ноги, и она уже не покидала своей комнаты.

Женщина окинула улицу грустным, рассеянным взглядом и задернула занавеску.

– Пора за работу, Григорий Афанасьевич, – промолвил Чернопятов. – Довольно поживать.

Он хотел уже подняться, но вдруг заметил на противоположном тротуаре Калюжного. Тот шагал своей обычной неторопливой походкой, не поворачивая головы, не оглядываясь.

«Что бы это могло значить? – подумал Чернопятов. – Радиogramму принес?»

Нет, этого не могло быть. В подполье существовали раз и навсегда установленные порядки. Чернопятов не нарушал их сам, не разрешал нарушать и другим. Способы доставки радиogramм ему, а также и от него разрабатывались с учетом обстановки в городе, времени года. Калюжный никогда не приносил радиogramм. Он прятал их в тайники. Чернопятов знал, что ответ Бакланова на радиogramму он должен будет вынуть не ранее десяти утра из «почтового ящика» № 4. Так в чем же дело? Почему Калюжный появился сейчас?

Чернопятов весь превратился во внимание, теряясь в догадках и не находя объяснения происходящему.

А Калюжный, достигнув дома, где жила бывшая учительница, замедлил шаг, вынул из кармана сложенную газету и, развернув ее, стал просматривать на ходу.

Что-то дрогнуло в груди Чернопятова. Это был условный знак, обозначающий: «Следуй за мной и будь осторожен. Не исключена слежка».

Что произошло? С кем? Провожая глазами удалявшегося Калюжного, Чернопятов наблюдал, не следует ли кто за ним по пятам. Но нет, ничего подозрительного не наблюдалось.

Когда Калюжный пересек Минскую, Чернопятов встал и, не теряя товарища из виду, направился вслед за ним по другой стороне улицы. Чернопятов шагал и ощущал непривычную тяжесть в ногах. Был он человеком неробкого десятка, но неизвестность действовала удручающе. Словно вокруг тебя крошечная темнота, а где-то рядом находится смертельный враг. Врага этого надо уничтожить, иначе погибнешь сам. Но глаза ничего не видят, удары проваливаются в пустоту, каждый шаг ведет в неизвестное. И человека охватывает чувство униженной беспомощности, жалкое чувство бессилия.

Терзаемый недобрыми предчувствиями, Чернопятов продолжал идти.

А Калюжный, достигнув угла и как бы невзначай обернувшись, повернул на улицу, ранее носившую имя Комсомольской. Посреди улицы тянулся бульвар, обсаженный столетними липами. Пройдя до конца бульвара, он повернул назад. Ход этот был оправдан. Калюжный в свою очередь хотел убедиться, нет ли «хвоста» за Чернопятовым. Они разминулись почти на середине бульвара, «проверились».

Чернопятов торопливо добрался до того места, где Калюжный сделал поворот. Он увидел друга на противоположном конце.

«Сейчас все выяснится... Сейчас... осталось полсотни шагов», – рассуждал Чернопятов.

Под сенью развесистой липы когда-то стояла скамья. Теперь от нее остались лишь два столбика, врытые в землю и почти сгнившие. На одном из них сидел Калюжный, а второй оставался свободным.

Калюжный держал перед собой развернутую газету.

Чернопятов подошел к столбику и сразу присел, будто кто-то ударил его под коленки. Он достал из кармана жестяную коробочку с махоркой и стал вертеть цигарку.

В обе стороны сновали прохожие, мелькали мундиры гитлеровцев. Чернопятов неторопливо, сдерживая дрожь пальцев, обрывал кончики бумаги.

Калюжный молчал, делая вид, что целиком поглощен газетой, но и его руки подрагивали.

Улучив минуту, когда поблизости никого не было, Калюжный наконец заговорил своим сердитым, сдержанным голосом:

– Я боялся, что меня возьмут под слежку... но, кажется, нет. Ночью погиб Костя...

Чернопятов просыпал табак на землю и почувствовал мгновенную сухость во рту. Что он сказал? Ночью погиб Костя? Уж не ослышался ли? Нет, нет, не ослышался, ночью погиб Костя! Перед глазами запрыгали разноцветные огоньки: красные, синие, фиолетовые...

– Он проводил сеанс... передавал наше донесение, – тихо говорил Калюжный, прикрывшись газетой, – и налетели гестаповцы. Не один, а несколько человек. Они ворвались в дом. Что-то взорвалось. Видно, Костя воспользовался гранатой. Трое убиты, двое тяжело ранены, а Костя погиб... Так изуродован, что и узнать трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.